

ску проповѣдей, члена Курскаго губернскаго училищнаго совѣта, *) а также члена Курскаго епархіальнаго училищнаго совѣта резолюція Его Преосвященства (Епископа Лавренція) послѣдовала такая: „Отъ должности члена губернскаго и училищнаго совѣта о. протоіерей Алексій Танковъ увольняется, съ выраженіемъ ему моей *глубокой благодарности* за труды, а цензоромъ проповѣдей прошу его остаться.“

Замѣчательно, что передъ послѣднимъ заболѣваніемъ (предсмертнымъ) мой родитель цѣлый почти день работалъ надъ разсмотрѣніемъ и исправленіемъ поданной ему въ то время проповѣди. Перечеркнуто и передѣлано было въ ней многое.

Такъ вотъ болѣе 20 лѣтъ покойной былъ цензоромъ. Не скрою—недовольство его цензурою въ средѣ духовенства бывало время отъ времени довольно значительное и бывали жалобы, по этому поводу, Преосвященнымъ Курскимъ. Но они оставляли жалобы безъ движенія и отъ нихъ строгій цензоръ ниразу не получилъ ни одного замѣчанія, ни разу не былъ призываемъ для объясненія. Раза два—три являлись къ цензору проповѣдники для личныхъ объясненій. Обыкновенно онъ горячо доказывалъ имъ необходимость сдѣланныхъ имъ исправленій и сокращеній. Я, конечно, не могу сказать, кто былъ правѣе, какъ равно не пишу оправдательной записки о моемъ родителѣ. Рассказываю, какъ дѣло было.

*) Кстати о губернскомъ совѣтѣ. Имѣя за 80 лѣтъ, мой отецъ ревностно посѣщалъ его засѣданія, даже въ ночное время. Вотъ два слова о послѣднемъ участіи его въ засѣданіи. 15 января 1901 года назначено оно было въ 8 час. вечера въ дворянскомъ собраніи. Была страшная метель, холодъ. Я на извозчикѣ подвезъ отца и ввелъ въ собраніе, снялъ верхнюю одежду. Онъ со мной распрощался; онъ не любилъ, чтобы беспокоились за нимъ заѣзжать. Но я остался у подъѣзда, во всякое время желая встрѣтить родителя и препроводить домой. До 12 часовъ ночи прохаживался я „сквозь метель и тьму“ около собранія, прямо таки выбиваясь изъ силъ. Извозчикъ былъ нанятъ и ждалъ конца засѣданія. Оба мы совсѣмъ почти заледенѣли, а метель свирѣпствовала на этотъ разъ такъ, что ни перомъ написать, ни въ сказкахъ сказать!

Наконецъ въ полночь вышелъ мой старецъ, скорѣе схватилъ я его за руку, усадилъ въ сани и препроводилъ домой. Проманкировать же засѣданіемъ невозможно было его уговорить, сердился необыкновенно, и все-таки уходилъ.